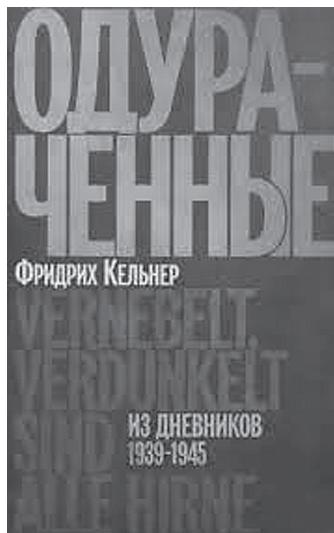

Рецензии

Одураченные. Из дневников 1939–1945

ФРИДРИХ КЕЛЬНЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. – 440 с. – 2000 экз.

«Одураченные» – еще одна важная книга из серии переводной «свидетельской» литературы, выпущенной в последние годы петербургским «Издательством Ивана Лимбаха»: мемуарной и дневниковой документалистики, повествующей о зарождении, становлении и крахе германского фашизма в прошлом веке.

Фридрих Кельнер (1885–1970) – участник Первой мировой войны – вел свой дневник, включающий десять тетрадей, на протяжении всей Второй мировой и делал это, как можно догадаться, с риском для жизни, поскольку имел антивоенные взгляды и презирал нацистов. После войны в разговоре с внуком он так объяснил свой тихий подвиг:

¹ РЕК-МАЛЛЕЧЕВЕН Ф. *Дневник отчаявшегося*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. (См. рецензию на эту книгу в «НЗ» (2025. № 1(159). С. 78–82). – Примеч. ред.)

«Так я сопротивлялся террору и беззаконию... Это мой способ вооружить твоё поколение – как и следующие – знанием правды, чтобы не повторился весь этот кошмар» (с. 17).

Подобные взгляды стоили жизни его современнику, Фридриху Рек-Маллехевену, который тоже вел во время войны дневники и погиб в Дахау после ареста по доносу издательства¹. Как и Маллехевен, Кельнер не эмигрировал из страны, считая, вероятно, что вместе со своим народом должен выпить до дна «горькую чашу национал-социализма» (с. 110). Возможно, от репрессий его защитила важная должность: он стал управляющим делами суда в Лаубахе – небольшом городе неподалеку от Франкфурта. Переехав туда с семьей после прихода Гитлера к власти, Кельнер скрыл, что был активистом социал-демократической партии. В 1935 году Кельнер отправил своего сына Фреда в США, чтобы уберечь сознание молодого человека от заразы нацизма.

Сын Фреда – Роберт, – родившийся в Америке, впоследствии сыграет ключевую роль в публикации дневников своего деда. В своем биографическом очерке он рассказывает, как жилось Фридриху и его жене Паулине под нацистами и как они приспосабливались к ситуации, чтобы избежать преследований и при этом не изменить себе. «Пассивное сопротивление супругов отчасти заключалось в том, чтобы по мере возможности не помогать войне» (с. 53). Однажды они отказались разместить у себя в доме солдата, хотя и вынуждены были потом отдать ему одну комнату. Когда к ним приходили сборщики денег из

«Национал-социалистической народной благотворительности», они жертвовали мало или вовсе отказывались участвовать в «попрошайничестве, организованном государством» (с. 125). Оба так и не вступили ни в одну национал-социалистическую организацию, несмотря на уговоры и давление. Они рисковали, потому что такое поведение обращало на себя внимание; более того, на них постоянно поступали жалобы от активистов НСДАП. Примером активного сопротивления были две их поездки во Францию, в 1937-м и 1938 годах, специально для того, чтобы отправить оттуда письма государственному секретарю США Корделлу Халлу с описанием гитлеровских репрессий и призывом отказаться от нейтралитета Америки.

Сегодня Фридриха Кельнера назвали бы политическим и даже военным аналитиком, потому что его оценки гитлеровского режима, хода войны, экономического положения страны были точны, а основные прогнозы сбылись. В частности, в дневниковой записи от 10 июня 1941 года он предсказал нападение Германии на СССР, приняв во внимание концентрацию войск на Востоке. Автор называет СССР «жертвой пакта о ненападении, заключенного с Германией» (с. 189), а сам пакт, подписанный в августе 1939-го, он тогда же охарактеризовал как «зловещий». На следующий день после нападения Кельнер приводит в дневнике так называемое «народное мнение», которое, как он полагает, не рождается в мозгу отдельных людей, а вдалбливается «сверху». «Считаю, что поступили правильно, атаковав Россию, иначе они бы напали на нас», – цитирует автор некую Хельгу Э. восемнадцати лет (с. 191). Если бы Россия напала первой, то оказалась бы неправой и тогда весь мир был бы против агрессора, рассуждал уже в 1944 году автор.

Кельнер начал вести свой дневник в сентябре 1939 года, в самом начале войны. В первых тетрадях автор вынужден

констатировать «примитивность мышления немецкого народа», которую он объясняет работой министерства пропаганды: «Затуманены все мозги, заморочены» (с. 88). Пропаганда поддавались даже люди, которые, казалось бы, обладали критическим умом и хотя бы в силу образования «должны были бы распознать в проецируемых на экран картинах миражи, блеф, подлый обман» (с. 107). Но люди предпочли ни о чем не думать, доверив решение всех вопросов фюреру. «Повсюду ужасающее невежество. Люди выхватывают что-нибудь из газеты и выдают это за плод собственных размышлений» (с. 118). Какое мучение сидеть рядом с такими людьми, слушать их премудрости и молчать, не имея возможности прочистить им мозги, – сетует автор уже в июне 1943 года.

«Снова и снова задаешься вопросом: как могло случиться, что такой культурный народ, как немцы, передал всю власть одному человеку?» (с. 110). Это главный вопрос, который задает себе и Кельнер, и другие немецкие публицисты-мемуаристы, чьи воспоминания и размышления столь последовательно переводило на русский и выпускало «Издательство Ивана Лимбаха». Кельнер полагает, что великая нация, включая молодежь, пошла на поводу у «фигляра и демагога», каким он видит Гитлера, «вследствие безумного легкомыслия, совершенно непонятной доверчивости и проклятой “бюргерской” мягкотелости» (там же). Вновь и вновь автор задает себе и предполагаемому читателю один и тот же, формулируемый на разные лады и ставший почти риторическим, вопрос: почему немецкий народ позволил повести себя на заклание? Откуда взялся этот «морок в умах» (с. 150), дополненный пустотой в душах?

Главный козырь тирании – террор и давление инакомыслия, возведенные в ранг закона, отвечает он. Кельнер приводит список принципов (называя их фундаментальным ошибками), на которых держался, по

его мнению, нацистский режим. Среди них есть универсальные характеристики, свойственные любой тирании: подчинение общественного мнения власти (единомыслие в прессе); подавление любого свободного высказывания; преследование порядочных граждан за иное мнение и критику недостатков; жестокая бюрократия и раздутый чиновничий аппарат; бюджетные расходы, превышающие доходы; непрерывный рост налогового бремени; организованное попрошайничество под видом благотворительности; беспрекословное подчинение фюреру и преклонение перед ним; «защита разного рода подонков (снятие с них вины)» (с. 108–109).

Кельнер очень критичен к согражданам: в 1938 году он пишет о рабской натуре немцев, утративших мысли о свободе. Но он возлагает ответственность за развязывание как Первой, так и Второй мировой войны не только на народ, трусливо, без борьбы, отказавшийся от свободы, но в основном на элиты, которым не было нужно умеющее думать общество. Германская элита слилась с НСДАП и заговорила о планах мирового господства, в чем ей помогла отмена свободы слова. «Раньше им можно было возразить, по крайней мере устно и письменно. А теперь? Вся пресса поет в унисон!» (17 марта 1940 года, с. 129).

В прессе людям вдалбливали, что война с СССР не попытка завоевания мира, а «крестовый поход против мирового врага – большевизма» (с. 305). Автор указывает, что любое нападение можно загримировать под защиту и наоборот. Он обращает внимание на специфический язык пропаганды, имеющий целью приукрасить действительность, выдать черное за белое. В этом языке вообще нет немецких поражений:

«Любое отступление изображается как блестящее достижение. Или как гениальная стратегическая операция. Отступление – это не отступление, а “отход” или “отвод”» (20 ноября 1944 года, с. 412).

В личном общении Кельнер вел свою индивидуальную контрпропаганду. Опираясь на бесспорные аргументы, он брал промахи пропаганды и обсуждал их до тех пор, пока собеседник не начинал сомневаться. Автор с гордостью писал, что в его ближайшем окружении, благодаря такой методике, не осталось убежденных нацистов. Эту работу, отнимавшую много энергии, Кельнер считал необходимой. Так он готовил крушение режима, будучи, впрочем, уверен, что тот падет лишь в результате военного поражения.

Кельнер писал, что немцы проиграли войну еще до того, как она была начата. Предсказав нападение на СССР, он на протяжение всей войны уверенно предсказывал поражение Германии, а также связанное с этим неизбежное «похмелье» немцев, когда они проснутся от наркотического действия национал-социализма:

«Немецкий народ будет наказан за то, что непрерывно действовал вопреки доводам разума и рассудка» (31 декабря 1939 года, с. 126).

«Тот день, когда палача, занесшего топор над десятками народов, постигнет заслуженная кара, я назову самым прекрасным в своей жизни» (13 апреля 1940 года, с. 134).

«Отмщения нам не избежать» (16 июня 1941 года, с. 185).

«Трезво взвешивая все факторы, я прихожу к выводу, что выиграть эту войну Германия не сможет» (1 января 1942 года, с. 228).

«За тотальной войной последует тотальное фиаско» (15 февраля 1943 года, с. 297).

Уверенный в этом, Кельнер приветствует спасение Гитлера во время покушения на него в июле 1944 года, «потому как он должен стать очевидцем позорного конца» и понести наказание (с. 385).

Автор чрезвычайно критически отзыается о правительствах западных стран, которые могли остановить агрессора, но не сделали этого, безвольно наблюдая за тем,

как накануне войны «Германия вооружалась бешеными темпами» (с. 139); да и народы этих стран тоже не проявили солидарности, тогда как «должны сплачиваться, если надо наказать агрессора» (с. 128). Кельнер считает, что страны обязаны вносить экономический, финансовый и военный вклад в поддержание мира соразмерно своей величине. По его словам, западная демократия, включая немецкую, провалилась, склонившись перед тремя тиранами – Гитлером, Сталиным и Муссолини. «Сражаться с диктатором инструментами демократии невозможно» (с. 143), бездействие стало роковой ошибкой. Международный институт Лиги Наций, предшественница ООН, оказался способен лишь на «вялую болтовню» (с. 128), тогда как нацию, одержимую идеей мирового господства, «можно образумить только самым энергичным сопротивлением всего человечества» (с. 149).

И все же автор верил в возможность в будущем справедливого миропорядка, который «должен основываться только на принципах права, справедливости и верности договорам» (с. 228). Он также предсказал появление Европейского союза, написав еще в 1939 году, что будущая Европа станет объединением небольших государств и что миролюбивая Германия вновь обретет друзей, «а имеющему добрых друзей не страшна никакая агрессия» (с. 432).

Как настоящий немецкий патриот, Кельнер желал поражения нацизма в войне. В дневниках он предвкушал это, приветствовал его, сетовал на слишком медленное, «черепашьим шагом», продвижение противников рейха в Италии, на то, что англичане и американцы воюют «без энтузиазма», на затягивание с открытием второго фронта в Европе. Кельнер сознавал, что после страшной бойни его стране предстоит длительный период восстановления, в котором едва ли не главным будет исправление исковерканного мышления немцев, подчиненного задачам войны. Он не видел в членах

национал-социалистической партии раскаяния и писал о необходимости привлечения к ответственности самых упретых нацистов. Обновление страны автор связывал с торжеством справедливости, под которым понимал наказание, адекватное совершенным преступлениям: «Национал-социализм нужно вырвать из немецкой земли с корнем» (с. 430). Искреннее покаяние в преступлениях, по его мнению, должно стать доказательством, что Германия стремится быть порядочной, миролюбивой страной, при этом обновленное государство должно опираться не на вчерашних партийных функционеров, а на других деятелей, иначе коренного обновления не произойдет.

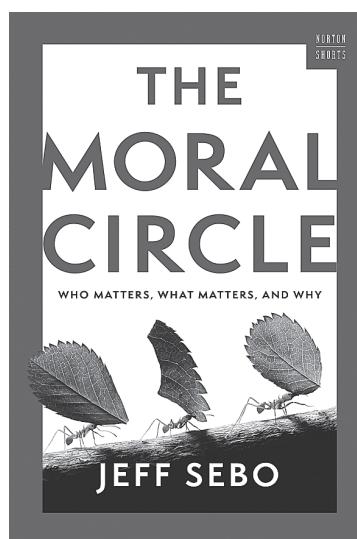
СЕРГЕЙ ГОГИН

ШИРЕ КРУГ, ИЛИ О БЕДНОЙ КОЗЯВОЧКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

The Moral Circle: Who Matters, What Matters, and Why

JEFF SEBO

New York: W.W. Norton & Company, 2025. – 192 p.

Призывая в своей новой книге «Моральный круг: кто, что и почему имеет значение» к фундаментальной перестройке этики, Джейф Себо утверждает, что наши моральные компасы устарели, и предлагает переосмыслить свойственные нам представления о том, какие существа имеют значение и почему. Книгу можно рассматривать одновременно и как компендий современных этических позиций, и как мягкое, но настойчивое требование пересмотреть наши привычные взгляды.

Себо утверждает, что нам следует включать в сферу морального внимания значительно большее количество существ, чем ранее. Как сам автор резюмирует в статье «Взрывное расширение морального круга»², для этого существуют две взаимосвязанные причины. Во-первых, мы должны признать, что огромное количество существ – от беспозвоночных и растений до будущих искусственных интеллектов – может обладать способностью чувствовать или иным образом быть «значимыми». Во-вторых, наши действия сегодня затрагивают столь широкий круг живых существ – как в пространстве, так и во времени, – что мы обязаны учитывать их интересы хотя бы минимально. В итоге Себо делает вывод: нам стоит распространять сознание на «квинтилионы существ» – вплоть до будущих нелюдей, – что потребует серьезной ревизии многих этических теорий³.

В своих рассуждениях он подробно останавливается на типичных кандидатах для включения в расширенный моральный круг: это чувствующие существа (способные испытывать удовольствие или боль), агенты (имеющие цели и способные их преследовать) и просто живые организмы

(обладающие способностью к выживанию и размножению). Аргументацию он строит плюралистически и вероятностно, подчеркивая, что наши знания в этой сфере остаются крайне неопределенными.

Плюрализм предполагает признание отсутствия единого мнения среди экспертов: одни считают, что значимы только чувствующие существа; другие полагают, что этого критерия недостаточно. Вероятностный подход состоит в том, что мы должны сменить модальность вопрошания: вместо вопроса «Имеет ли существо безусловное значение?», следует задать другой – «Может ли оно иметь значение?». Иными словами, различные точки зрения должны получать разный уровень доверия, сохраняя пространство для сомнений.

Себо подчеркивает: учитывая, насколько мало мы понимаем, какие именно качества делают существо ценным – чувствительность, сознание или способность к действию, – было бы самонадеянно считать свои взгляды единственными верными. Поэтому, принимая жизненно важные решения, разумнее исходить из принципа риска: если существует ненулевая вероятность, что некое существо может обладать внутренней ценностью, мы должны проявлять к нему осторожность и уважение.

Автор сознательно отказывается от претензий на универсальные моральные истины и предлагает сосредоточиться на тех зонах, где различные этические традиции пересекаются. В условиях теоретических разногласий, утверждает он, разумнее всего искать так называемый перекрывающийся консенсус – осторожно вычленять принципы, поддерживаемые множеством подходов, несмотря на их философские расхождения.

2 См.: <https://jeffsebo.net/wp-content/uploads/2022/09/jeff-sebo-moral-circle-explosion.pdf>.

3 Многие ключевые концепции, развернутые в рецензируемой книге, были сформулированы Себо раньше – в частности, в упомянутой статье «Взрывное расширение морального круга», написанной для оксфордского справочника по нормативной этике. Для читателя, ищущего более сжатого изложения, статья может оказаться предпочтительнее (как и, например, в случае с «Концом истории» Фрэнсиса Фукуямы или даже с «Бредовой работой» Дэвида Грэбера).

Ключевым таким принципом становится идея снижения вреда. Себо отмечает, что во многих теориях этики присутствует императив помогать самим уязвимым. Именно эта идея – сокращения или исправления причиненного вреда – и должна составлять ядро жизнеспособной этической системы⁴.

Методология Себо заключается в выявлении тех норм и убеждений, в которых сходятся различные школы: даже если мы не можем быть абсолютно уверены в истинности отдельного морального утверждения, его поддержка с разных теоретических позиций позволяет говорить о высокой степени рационального доверия.

Здесь прослеживается влияние выстроенной в первом томе работы «О том, что имеет значение» (2011) методологии Дерека Парфита – одного из научных консультантов Себо и члена его докторской диссертационной комиссии: поиск точек соприкосновения между разными этическими теориями для обоснования общего практического курса⁵. Аргумент ввиду этого строится уже не на чистой интуиции, а на конвенциональности и непротиворечивости популярным теориям: раз все они ведут к схожему выводу, он, вероятно, верен.

В «Моральном круге» подчеркивается, что нет ни одной доминирующей доктрины: главная обязанность – уменьшать вред там, где он наносится, что может найти поддержку у консеквенциалистов-утилитаристов, кантианцев с теоретиками прав и сторонников этики заботы или добродетели. Из этого следует важный практический вывод: существа, обладающие способностью чувствовать, сознанием или агентностью, с высокой вероятностью имеют моральное значение и заслуживают сочувствия.

Более того, по мнению Себо, моральное внимание следует уделять и тем, кто подпадает хотя бы под один из этих критериев. Поскольку среди философов нет согласия, требует ли моральный статус обязательного сочетания сознания, чувствительности и агентности, то предлагается формулировать свои выводы с учетом уровня уверенности – различая уверенность «высокую» и «низкую» – и сохранять пространство для сомнения.

Важно, что эта линия напрямую связана и с его докторской диссертацией «Личностное – это политическое»⁶, в которой Себо утверждал, что множественность личностей является не только патологическим феноменом, но и обычной чертой повседневной психики. Один и тот же человек, по его мысли, может быть своего рода сообществом высокointегрированных личностей для работы, для отдыха и так далее. В этом смысле даже один человек уже представляет собой множество моральных агентов с собственными обязанностями⁷.

Эта смелость в умножении личностей и внимание к тем, кого обычно не замечают, находит свое продолжение в «Моральном круге», где объектом рассмотрения становятся уже не субличности, а насекомые, искусственные интеллекты и будущие поколения. Если множественность личностей и агентов внутри одного индивида кажется нам допустимой, что непривычно для базовых интуиций, то почему бы не взглянуть на необычных в контексте рассмотрения личности и агентности нечеловеческих существ, то есть на животных, кремниевую жизнь и прочих?

При этом Джейф Себо четко разводит понятия морального пациента и морального

4 JACOBSEN S. D. *Jeff Sebo on Ethics, Sentience, and the Future of Moral Consideration* (<https://intpolicydigest.org/jeffsebo-on-ethics-sentience-and-the-future-of-moral-consideration/>).

5 PARFIT D. *On What Matters: Volume One*. New York: Oxford University Press, 2011.

6 Себо играет с фразой «The Personal Is Political», которая в иных контекстах обычно переводится как «личное – это политическое».

7 См.: <https://jeffsebo.net/wp-content/uploads/2016/06/the-personal-is-political.pdf>.

агента. Под моральными пациентами он понимает те существа, которым можно нанести вред и принести пользу, тогда как под моральными агентами – тех, кто обладает способностью рационально оценивать свои действия. В контексте долженствования пациентами оказываются те, перед кем можно иметь моральный долг, а агентами – те, кто может его иметь.

Если снижение вреда – это ключевой принцип, а плюрализм и вероятностный подход – главный метод, то вопрос «Кто подпадает под определение морального пациента?» – пусть и рассматриваемый в разных формулировках – становится основным.

Чтобы усилить интуитивную привлекательность и наглядность своих рассуждений, философ активно использует мысленные эксперименты. Один из самых ярких – история с тремя соседками по комнате, которые вдруг узнают, что двое из них вовсе не люди: одна является потомком неандертальцев, а другая состоит из кремния, а не углерода, то есть фактически является роботом. С помощью этого примера демонстрируется, что ни робота, ни неандертальца невозможно обоснованно исключить из морального круга – обе девушки из мысленного эксперимента, вероятно, обладают чувствительностью и агентностью. При этом Себо подчеркивает, что даже если случай с роботом интуитивно сложнее, то наше сомнение никогда не должно приводить к «округлению возможности до нуля» – лучше в случае неуверенности проявить осторожность и хотя бы частично приписать роботу моральное значение.

Себо идет дальше и задается вопросом, нужна ли вообще возможность субъективного восприятия, например, боли, для того, чтобы мы имели возможность признать существо чувствительным? Если мы предположим, что для этого нужна только возможность явно различать положительные

и отрицательные стимулы, то это решает одну из основных проблем, препятствующих признанию искусственного интеллекта в качестве морального пациента.

Впрочем, в повседневной жизни мы относимся друг к другу как к моральным пациентам, обладающим возможностью субъективного восприятия, хотя и не знаем об этом наверняка. Чтобы признать, что у окружающих есть субъективное восприятие, нам обычно хватает их видимой возможности различать положительные и отрицательные стимулы. Но при обсуждении искусственного интеллекта наши привычные интуиции дают сбой, хотя логика остается той же самой.

Несмотря на то, что Себо часто подчеркивает, что наши моральные интуиции могут быть искажены предубеждениями и стереотипами, в своих рассуждениях он нередко опирается именно на обыденные интуитивные различия. Например, разница между тем, чтобы пнуть кошку, и тем, чтобы пнуть машину, обычно понятна интуитивно: кошке, в отличие от машины, можно причинить вред, который имеет значение для нее самой. Этот пример используется, чтобы проиллюстрировать принцип благополучия: моральную значимость имеет тот, кто способен получать выгоду или понести ущерб. Вероятно, если бы обыденная интуиция здесь ему противоречила, он бы не стал приводить ее без критики или оговорок.

Принцип благополучия используется для критики рационализма, гласящего, что только разумные существа имеют значение, и спешисизма, то есть видовой дискриминации. Ведь интуитивно обычно принимается, что у нас есть долженствование не пинать кошек и младенцев, хотя они и относятся к животным и неразумным существам соответственно. Вместе с тем Себо идет дальше и задает неудобные вопросы: достаточно ли для обладания благополучием просто реагировать на стимулы

или необходимо субъективное переживание – способность ощущать, «каково это – быть» этим существом?

Этот вопрос особенно важен при обсуждении искусственного интеллекта и простейших форм жизни. Возможно, как и в случае с другими людьми, чьи субъективные переживания нам недоступны, нам стоит проявлять великодушие и распространять презумпцию наличия чувствительности на более широкий круг существ в соответствии с осторожным вероятностным предотвращением вреда.

Джефф Себо также обращается к теме так называемых «родственных обязанностей». С одной стороны, кажется естественным полагать, что мы обязаны тем, с кем нас связывают родственные или близкие связи: семье, друзьям, ближайшему окружению. С другой стороны, Себо напоминает, что помочь исключительно близким может быть нелегитимно ограничивающей. Если наши дальние родственники или совершенно чужие существа нуждаются в поддержке и нам под силу помочь, не следует ли распространить круг нашей заботы и на них?

К примеру, если вы можете существенно повлиять на благополучие далекого общества или будущих поколений, возможно, это должно восприниматься не менее серьезно, чем забота о собственных близких. Это замечание выдвигает альтернативный взгляд: моральный круг может включать всех, кому мы реально можем улучшить жизнь, а не только тех, кто близок нам по крови.

Тем не менее Себо признает и традиционное представление о том, что семье мы должны все же немного больше: из-за силы связей наше воздействие на нее может быть более эффективным. Впрочем, этот аргумент похож скорее на своеобразную подачку распространенному представлению, так как на протяжении всей книги повторяется мысль о том, что на самом деле мы крайне сильно влияем на тех, с кем не близки как в пространстве, так и во времени. Вполне

вероятно, что мы можем гораздо больше в чем-то помочь людям на другом континенте, чем своим близким.

Кроме того, призыв автора к балансу между заботой о близких и дальних может показаться недостаточным. Возможно, вызовы XXI века требуют не компромисса, а радикальной этической позиции, к которой автор лишь осторожно подводит, но не формулирует ее открыто. Даже с точки зрения вероятностного подхода мы должны рассматривать возможность того, что на самом деле мы обязаны заботиться в первую и единственную очередь только о близких или только дальних, но не заботиться об остальных.

При всем этом книга вовсе не навязывает окончательных решений. Она написана скорее как осторожное приглашение расширить моральный круг, а не как догматический манифест. Автор готов признать неожиданные последствия своих доводов: «Я начал с того, что собирался показать – нужно включить в моральный круг насекомых и будущие ИИ, – но теперь чувствую, что обязан добавить микробы, нынешние ИИ и многих других». То есть логика аргумента сама подталкивает к еще более широкой инклузии.

«Моральный круг» – это призыв к расширению наших моральных границ с учетом современных научных данных и колебаний моральных интуиций. Джефф Себо снабжает читателя множеством примеров и теоретических соображений, стараясь не столько найти абсолютно убеждающий аргумент, сколько показать, что границы круга могут и, вероятно, должны становиться шире. Книга в какой-то степени сама размывает понятия, говоря «может быть важно» вместо «важно», что делает выводы менее категоричными.

Некоторым читателям, возможно, хотелось бы видеть более четкие границы и более конкретные решения: например, когда именно следует признавать в качестве мо-

рально значимого то или иное насекомое или искусственный интеллект. Автор же намеренно сохраняет пространство для сомнения, что можно воспринимать и как достоинство (антидогматизм), и как недостаток – из-за отсутствия жестко очерченной позиции.

Книга служит скорее приглашением к размышлению: она предлагает думать о вероятностях и заставляет читателя выйти за рамки повседневных представлений о добре и долге, напоминая, что наша эпоха связана с влиянием человека на невероятно широкий круг жизней. Такой подход может заинтересовать тех, кто готов рассмотреть нетривиальные объекты заботы, кто ищет новые ориентиры и идеи, кто хочет понять, какие еще дискуссии о животных и искусственном интеллекте существуют в современных разновидностях этики. Специалисты же скорее найдут книгу несколько избыточной вследствие постоянно повторяемых деталей и напоминаний, но при этом вполне могут оценить систематизацию аргументов и самобытный взгляд на парадигмальные проблемы.

Некоторые идеи книги, например, забота о будущих существах, уже витают в воздухе и становятся относительно мейнстримными. Они встречаются не только в таких философских трактатах прошлого века, как «Основания и лица» Дерека Парфита⁸, но и в художественной литературе – например, в романе «Министерство будущего»⁹ Кима Стэнли Робинсона, – что лишний раз подчеркивает актуальность тематики, выбранной Себо.

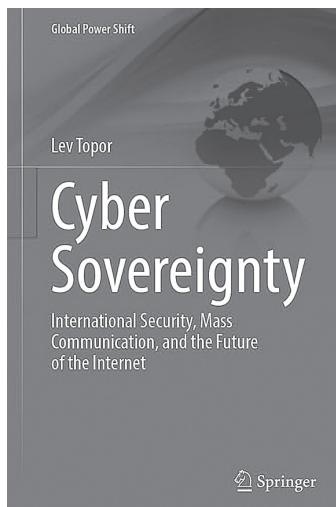
АЗАТ САДРИЕВ

ОБ АНАТОМИИ КИБЕРСУВЕРЕНИТЕТА

Cyber Sovereignty: International Security, Mass Communication, and the Future of the Internet

LEV TOPOR

Cham: Springer, 2024. – xix, 207 p.

Эпоха цифровой трансформации, в которую нам довелось жить, провоцирует радикальное переосмысление понятий, ранее считавшихся более или менее устоявшимися. В их ряду в последние годы оказался и суверенитет – неуловимая сущность, давно назначенная правоведами и политологами на роль главнейшего сущностного предиката современного государства. Несмотря на то, что о суверенитете и суверенности со времен Жана Бодена написаны тонны книг, недавно обнаружилась важная вещь: субъектность в киберпространстве важна не только в техническом, но и в политическом плане – и это заставило старую тему заиграть новыми красками. В книге, написанной приглашенным сотрудником Института Вульфа – британского научного

⁸ PARFIT D. *Reasons and Persons*. New York: Oxford University Press, 1984.

⁹ ROBINSON K.S. *The Ministry for the Future: A Novel*. New York: Orbit, 2020.

учреждения, специализирующегося на изучении антисемитизма и различных форм религиозной нетерпимости, – предпринимается попытка уточнить понятие «киберсуверенитета». Приоритетными для автора темами выступают функционирование суверенных цифровых доменов, фрагментация интернета, а также влияние этих процессов на глобальный миропорядок.

Структурно работа подразделяется на четыре смысловых блока. Сначала автор представляет термины и концепты, связывающие суверенитет и киберпространство; затем обозначает ряд насущных проблем, с которыми современные государства сталкиваются в киберпространстве, зачисляя в их число кибервойны, фейковые новости, сетевую уязвимость; потом читателю предлагаются новаторская дискуссия, составляющая, вероятно, главную «изюминку» работы и сосредоточенная на «защищенных кибердоменах» (*secure cyber domain*), а также «уязвимых кибердоменах» (*vulnerable cyber domain*); наконец, завершают книгу общие раздумья о будущем интернета.

Уже в предисловии автор недвусмысленно обозначает свою позицию: по его мнению, «интернет без границ» есть не что иное, как утопия, поскольку нынешние государства всеми силами стремятся обогатить «обычный» суверенитет киберсуверенитетом (р. vii). Причем за подобными попытками, как полагает Топор, стоят не просто какие-то технические подвижки, а коренная переоценка политических установок, касающихся властного контроля над «цифрай». И эти изменения нужно считать естественными, поскольку на планете, согласно автору, крепнет понимание, что неконтролируемая фрагментация интернет-пространства повлечет за собой такую беду, как «цифровая балканизация» – до предела обостряющую конфликт, с одной стороны, автономии индивида и, с другой стороны, национальной безопасности.

В первой главе автор кратко представляет ряд тезисов, которые намеревается развить в дальнейшем. Среди прочего он, руководствуясь только что обозначенной дилеммой «свобода *vs* безопасность», выделяет два вида киберпространства: защищенное (и базирующееся на защищенных кибердоменах), которое согласовывается с государственным суверенитетом посредством контроля и регулирования, и уязвимое (и базирующееся на уязвимых кибердоменах), в котором свобода личности ставится выше приоритетов государства.

Далее автор сопоставляет страны, ориентирующиеся на разные модели, подчеркивая при этом собственную приверженность реализму – доктрине, предлагающей рассмотрение государств (а не индивидов) в качестве ключевых акторов международных отношений. Далее автор будет с пиететом цитировать одного из отцов классической геополитики – американского историка и контр-адмирала Альфреда Тайера Мэхэна, – переиначивая его афоризм «тот, кто правит волнами [морем], правит миром» на современный лад: «тот, кто правит киберпространством, правит массовыми коммуникациями и, следовательно, всем миром» (р. 1). (По ходу дела, однако, у читателя могут возникнуть сомнения относительно того, стопроцентным ли реалистом является Топор, но об этом чуть позже.)

Здесь же исследователем представлены четыре базовых сценария развития интернета, среди которых: а) сохранение *status quo* (интернет и дальше остается преимущественно западным проектом, опиравшимся на изначальные разработки и мощности); б) формирование «интернет-пузырей» (каждая развитая страна формирует свой суверенный интернет, который частично или полностью отгораживается от мирового виртуального пространства); в) формирование интернет-блоков («окуливаются» региональные интернет-прост-

ранства, в общих чертах соответствующие очертаниям цивилизаций по Сэмюэлу Хантингтону); г) появление международного интернет-права, применимого во всем мире и totally регулирующего виртуальную сферу. Сам Топор, объявивший ранее о личной приверженности реалистской парадигме международных отношений, не скрывает симпатий к первой из упомянутых альтернатив, которая с реализмом не очень дружит.

Каталог сценариев органичным образом дополняется очерком, описывающим историю мирового интернета и представленным во второй главе («Киберпространство: структура, функциональность и слабые места»). Центральное место здесь отводится США, выступившими первопроходцем в этой области, но немало внимания уделяется также появлению интернета в СССР и КНР. Тут же читатель найдет и список акторов, которые в той или иной мере контролируют развитие киберпространства – в него входят общественные движения, правительства, негосударственные организации, частные компании (р. 33). Наконец, завершая широкое введение в тему, автор, опираясь на труды правоведов и специалистов по кибербезопасности, формирует перечень основных социально-политических вызовов, свойственных сегодняшнему киберпространству.

В третьей главе («Суверенитет, власть, международная безопасность и прорехи международного права») дается кибертолкование базовых для авторской логики концептов. Углубившись в классику, включая Вестфальский трактат 1648 года и сочинение Бодена «Шесть книг о государстве», Топор выводит собственное – и надо сказать, не слишком оригинальное, – определение суверенитета: под ним в книге понимается «способность субъекта принимать независимые решения, руководствуясь главным образом собственной выгодой, и действовать без вмешательства других

субъектов» (р. 51). Типовой инструментарий, который задействуется участниками международных отношений («мягкая», «умная» и прочие силы), тестируется в книге применительно к киберсреде; в результате выясняется, что, скажем, «инфраструктурная» сила (*infrastructural power*) обнаруживает себя через управление инфраструктурой цифрового пространства, а «острая» сила (*sharp power*) концентрируется в информационных кампаниях, разворачиваемых в интернете посредством социальных сетей. Именно последняя, предоставляя мировым акторам возможности влиять на общественное мнение, позволяет им поддерживать собственный киберсуверенитет и расшатывать киберсуверенитет конкурентов – в силу сказанного автор считает необходимым посвятить ей отдельную главу.

Четвертая глава («Кибервойна: глобальные тенденции и прокси-войны») логически продолжает рассуждения предыдущей о природе власти и силы в киберпространстве, сводя их к проблематике кибервойн. Подступаясь к теме, Топор делает комплименты России и Китаю, называя их странами, обладающими на сегодня наибольшей кибервластью и максимальным кибервлиянием (р. 76). Причину этого он видит в их недемократичности: незападные и нелиберальные режимы внушительнее позиционируются в киберпространстве из-за того, что они с легкостью позволяют себе то, что для демократических государств недоступно в силу идеологических приличий. Возможно, это и так, но не без досады приходится отмечать, что, постулируя подобные вещи, автор не считает нужным подкреплять их эмпирическими данными или документальными свидетельствами. Из-за этого представленная им картина российских, китайских, северокорейских киберкозней кажется не столько пугающей, сколько малоубедительной (р. 90–92). Тем не менее по соседству с плакатными декларациями в главе встречаются и любопыт-

ные авторские находки: скажем, Топор едва ли не первым предлагает – причем не без оснований – рассматривать киберсили как качественно новый, не имеющий аналогов, вариант силы государственной: более динамичный, чем традиционные «мягкая» и «жесткая» силы, и основательно дополняющий их.

Пятая глава («Дезинформация и национальная устойчивость: защищены ли государства от фейковых новостей?») посвящена исследованию «острой» силы (*sharp power*), оперирующей в киберпространстве. Здесь автор сосредотачивается в основном на кейсах различных информационно-пропагандистских кампаний, определяя пропаганду как такой способ распространения информации, основной целью которого является внедрение определенной идеи (р. 114) – и смешивая тем самым пропагандистскую деятельность с рекламой. В качестве примеров использования «острой» силы читателю предлагаются, в частности, информационные оформления Brexit и захвата Капитолия в 2021 году. Наверное, самым интересным в этом ряду выглядит так называемое «иностранные воздействие» на Израиль: согласно Топору, поскольку значительная доля русскоязычных граждан этой страны читает и смотрит российские СМИ, пользуется российскими социальными сетями, общается с российскими друзьями и родственниками, она невольно транслирует в Израиле позицию России. Но тут автору хочется возразить: можно ли вообще говорить о целенаправленном политическом воздействии там, где речь о идет о естественных процессах? Более того, описанный случай едва ли уникален; по сути, он иллюстрирует влияние любых крупных диаспор на политическую жизнь стран, в которых они обосновались. Иначе говоря, целенаправленное применение «острой» силы здесь, по-видимому, ни при чем.

Шестая глава («Защищенные кибердомены: зрелые модели») – одна из самых важ-

ных: в ней автор подробно раскрывает концепт защищенных кибердоменов, к нынешним обладателям которых он относит Китай, Россию, Северную Корею, Саудовскую Аравию, Иран, Индию и Мьянму. По мнению Топора, именно эти государства в дальнейшем станут пионерами формирования так называемых «интернет-пузырей», выступающих аналогами цивилизаций Хантингтона в киберпространстве и, подобно последним, также конфликтующих друг с другом (р. 135). Глава снабжена подробными картами, таблицами, статистическими данными и историческими справками, поясняющими эволюционный путь каждого из анализируемых кибердоменов. Методологически обеспечение кибербезопасности, практикуемое «зрелыми моделями», рассматривается на четырех уровнях: физическом (контроль над серверами и инфраструктурой передачи информации), логическом (контроль над сетевыми шлюзами, возможность ограничивать доступ к интернету в определенных регионах и в определенное время), информационном (контроль над содержанием информации в интернете), пользовательском (контроль над использованием интернета конкретными индивидами или их группами). В результате автор приходит к выводу, что в настоящее время государства, сформировавшие защищенные кибердомены, обладают гораздо большим киберсуверенитетом, чем западные демократии.

Разобравшись с победителями, автор переходит к побежденным, которым посвящена седьмая глава («Уязвимые модели кибердоменов»). В числе последних, по его мнению, оказываются Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Израиль, члены Европейского союза – страны, которые пока ставят свободу слова и распространения информации выше соображений безопасности. Топор обращает внимание на знаменательный, по его мнению, факт: в настоящее время почти за всеми проявлениями

нестабильности в указанных странах стоит внешнее кибервмешательство (р. 165). Вопрос, насколько сказанное соответствует действительности, остается открытым, но некоторые авторские наблюдения определенно заставляют задуматься. Вот, например, одно из них:

«Свобода информации и слова являются важными ценностями, но иногда они способствуют подъему темных сил и наступлению темных времен – нацистская Германия служит здесь прекрасной иллюстрацией» (р. 166).

Несмотря на свою открытость и отказ от жесткого регулирования, уязвимые кибердомены все равно вынуждены ситуационно обращаться к мерам государственного вмешательства: среди них автор перечисляет отказ американских властей от китайского коммуникационного оборудования в 2022-м, британские законодательные инициативы 2019 года по борьбе с онлайн-ненавистью, периодическое использование Израилем интернет-цензуры (р. 173–182). К сожалению, без внимания остается подробный разбор кейса ЕС, хотя было бы интересно исследовать столкновения интересов государств-участников и наднациональных европейских органов в изучаемой автором сфере. Тем не менее, даже несмотря на эту лакуну, из предпринятого анализа видно, что западные демократии, подобно их антигностам, так или иначе уже вынуждены (или будут вынуждены) ограничивать активность в интернет-пространстве ради обеспечения собственной безопасности. И если сегодня подобные меры остаются по большей части точечными, то завтра, вероятно, отмеченный тренд будет укрепляться и расширяться.

В итоговой главе («Будущее интернета») Топор делает прогнозы относительно развития киберпространства в мире в целом и киберсуверенитета в отдельных странах в частности. Помимо уже обозначившихся

киберугроз (утечки данных, кибератаки, дискредитация конфиденциальности и так далее), автор особо акцентирует углубляющийся социально-культурный и политico-экономический разрыв между странами, обуславливающий разный уровень доступа к интернет-технологиям. Как доказывается в книге, сегодня быть суверенным, не овладев интернетом, нельзя; по этой причине, несмотря на нескрываемое личное тяготение к неолиберальным подходам, британский исследователь, завершая труд, вынужденно подтверждает заявленную в самом начале приверженность реалистской парадигме: современные государства, несмотря на глобализацию, продолжат дорожить суверенитетом, а в свете этого наиболее вероятным вариантом развития мирового интернет-пространства предстает виртуальная суверенизация и образование автономных «интернет-пузьрей».

Здесь же исследователь возвращает читателя к началу повествования, вновь вспомнив о четырех сценариях развития интернета (р. 200). По его мнению, каждая из представленных альтернатив созвучна с тем или иным теоретическим подходом к международным отношениям. Так, в свете неолиберализма логичным представляется выработка глобального права, регулирующего функционирование киберпространства; с постулатами марксизма хорошо согласуется модель киберблоков, формируемых крупными частными или государственными игроками; реализм же способен воплощаться в двух сценариях – с его идеями сочетаются и киберблоки, предводительствуемые крупными державами, и дальнейшее автаркическое обособление защищенных кибердоменов.

Несмотря на некоторые концептуальные прорехи – в частности, недостаточность эмпирической базы, подтверждающей авторские тезисы, а также не слишком глубокий анализ влияния, оказываемого на регулирование цифровой сферы наднациональными

структурами, – представленную книгу с полным основанием следует признать заслуживающей внимания просвещенного читателя. Конечно, как и любое повествование о будущем, авторские идеи не могут не быть спорными, но завтрашний день, о котором рассуждает автор, обязательно наступит, причем в этом дне значимость интернета, будь то глобального или суворенного, станет еще большей. Лев Топор со своей кибертемой попал в точку; так что теперь дело за нами – будем читать и размышлять.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Человек читающий. Значение книги для нашего существования

Рюд Хисген, Адриан ван дер Вейл
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025 – 464 с.

Нидерландские авторы Рюд Хисген и Адриан ван дер Вейл, о которых из русского перевода их книги мы, к сожалению, ничего не знаем (социологи? историки? теоретики

культуры? университетские преподаватели? вольные журналисты?), выстраивают систематический обзор чтения как символической практики и ее известных к нашему времени формирующих воздействий на человека, предлагая большой свод наработанных представлений на эту тему. «Человек читающий» – книга, скорее просветительская и популярная, нежели исследовательская и проблематизирующая. Авторы более склонны отвечать на возможные (типовые) вопросы, нежели ставить их; результаты чужих изысканий они складывают в стройную обозримую систему.

Книга начинается с разъяснения, «почему так важно читать» (с. 25), отчего «чтение важно для каждого из нас» (с. 51), «а также для общества в целом» (с. 61). Продолжается она анализом того, «как именно происходит чтение» (с. 65), что при этом происходит в мозге, какое влияние оказывают поза читающего и окружающая обстановка. После этого повествование переходит к очерку истории книжной культуры – от возникновения письменности до цифровой революции, с сопутствующими ей потреблением текстов с экранов и угасанием мотивации к чтению. В finale авторы предлагают практические советы: как современному человеку справляться с чтением, что его может мотивировать к этому, для чего вообще способно пригодиться это странное занятие. Советы, можно сказать, для совсем начинающих, чуть ли не с азов: «Поборите свой страх перед чтением» (с. 377), «Обратитесь за советом, если не знаете, что почитать» (с. 378), «Как заставить себя читать» (с. 394). (У заядлого книжника подобные формулировки могут вызывать протест: мало нам несвобод и принуждений – так еще и эта!) Здесь же – рекомендации педагогам и родителям, как приучить детей к чтению, – с обилием ссылок к нидерландскому опыту.

Труд Хисгена и ван дер Вейла стремится быть сразу многим: и популяризацией знаний по истории культуры, психологии, фи-

зиологии и социологии чтения, и публицистикой (когда речь идет о современном, цифровом чтении и соответствующем состоянии общества), и практическим, мотивирующим руководством. Авторы стараются дать современникам и соотечественникам понятные, сочетающиеся с их ценностями мотивации к чтению, которые можно применять в обычной жизни. В этом есть изрядная психотерапевтическая составляющая: в «Человеке читающем» говорится, например, о том, как чтение способствует преодолению страхов, пониманию жизни и обретению ее смысла – а то и напрямую о библиотерапии.

Строго говоря, из этой книги стоило бы сделать две или три – нынешние многохватность и разнонаправленность, адресованность сразу нескольким и слишком разным читательским аудиториям не идут ей на пользу. Те, к кому обращены советы о том, как заставить себя читать, вряд ли осилят главы об истории чтения и книжной культуры, а тем, кто с ними справится, вряд ли нужны инструкции, собранные в заключительной части.

Ответы на вопрос, для чего вообще нужно читать, здесь вполне самоочевидные:

«Все цели [...] легко разделить на три типа: приобретение знаний (учебные цели), получение информации новостного характера (чтобы быть в курсе событий) и отдых» (с. 49).

«Чтобы быть полноценным членом современного демократического общества, важно уметь читать на высоком когнитивном уровне» (с. 50).

Вообще к уязвимым сторонам книги можно отнести склонность Хистена и ван дер Вейла к чрезмерно обобщающим высказываниям: «чтение делает нас той личностью, которой мы являемся; человек – это то, что он читает, и то, как он читает» (с. 51). Раскрытия этой мысли мы не увидим. Схожие высказывания используются, когда авторы

фактически отказывают в статусе полноценного чтения аудиокнигам и электронным документам, не утруждаясь аргументацией столь радикальных утверждений – результатами исследований или статистическими данными:

«Не обманывайте себя. Аудиокнига – это не книга, это опыт прослушивания, для которого необязательно быть грамотным. Поэтому не рассматривайте аудиокнигу как замену чтению» (с. 437).

«Чтение с экрана не эквивалентно чтению с бумаги. Текст на экране лишен физической опоры, которую обеспечивает бумага, и не способствует запоминанию прочитанного» (с. 436).

Но для читающего по-русски здесь, несомненно, найдется и нечто новое: прежде всего в малознакомом нам нидерландском материале, особенно в той главе, что отведена под практические рекомендации. Факты и цифры из нидерландской, а также родственной ей бельгийской жизни тут в изобилии, например, сведения о старейших книжных магазинах: «“Dominicanen”, расположенному в Доминиканской церкви XIII века, в самом сердце Маастрихта, или “Waanders In de Broeren” в бывшей церкви 1512 года в Зволле» (с. 411); книжных музеях: например в Антверпене это Литературный музей и музей Плантена-Моретуса (с кратким рассказом, чем они интересны, и контактными данными), а в Гааге – Дом книги и Литературный, включающий в себя также Музей детской книги; самых важных библиотеках: в Валбюргской церкви в Зютфене – старейшая в Нидерландах, библиотека Тисиана в Лейдене.

Из «Человека читающего» можно узнать, какие (и в каких городах) проводятся литературные фестивали (большой список!), книжные ярмарки, встречи и творческие вечера писателей, программы популяризации чтения (и тут же практический совет: что необходимо сделать, чтобы оставаться

в курсе литературных событий Нидерландов). Более того, сказано и о книжных городах, даже за пределами Нидерландов и Бельгии: «сегодня во многих европейских странах существуют одно или несколько [...] книжных местечек; больше всего их во Франции – шесть» (с. 418). Любопытно, что все это – даже в виде краткого перечня – дает представление о немалом интересе жителей этой части Европы к чтению, причем именно книг, что ставит под сомнение авторский тезис об «обескниживании» (с. 420) и «обесценивании литературы» (там же).

Помимо книжных магазинов, библиотек и литературных фестивалей, упоминаются, пусть вскользь, литературные конкурсы и премии, например:

«С 2002 года литературный журнал “Tzum” присуждает ежегодную премию за лучшую литературную фразу. Помимо кубка, победитель получает сумму в евро, равную количеству слов в этой фразе» (с. 248).

Приводится и победившая в 2021 году фраза – из произведения молодого прозаика Марики Лукаса Рейневельда:

«Дорогой питомец, моя дорогая питомица, скажу тебе это сразу: в тот строптивый горячий сезон мне надо было вырезать тебя, как вырезают абсцессы из кориума копытным ножом, я должен был освободить место в межкопытцевой щели, чтобы в ней не задерживались навоз и грязь и не могла пристать никакая зараза, а может, мне следовало просто почистить и отшлифовать тебя на станке, отмыть тебя дочиста и выслушать тебя насухо со шкуркой» (с. 248).

Ну где бы мы еще прочитали такое? Все это, максимально конспективно сказанное здесь о нидерландской и общеевро-

пейской литературной и окололитературной жизни, вполне могло бы быть развернуто в отдельную книгу.

О глубоком анализе речь не идет, но если для нидерландцев и бельгийцев сочинение Хисгена и ван дер Вейла – прежде всего инструмент, помогающий ориентироваться в привычном книжном пространстве, то для живущих за пределами этих стран книга способна стать путеводителем по чужой культурной жизни, ее представлениям о самой себе по состоянию на 2022 год (выход в свет оригинала), то есть состояние вполне актуальное.

В целом есть сильный соблазн сказать, что Хисген и ван дер Вейл систематизируют общеизвестное, да еще и с бесконечными повторами, раз за разом возвращаясь, например, к нехитрой мысли, согласно которой «чтение совершенствует разум» (с. 214), помогает противостоять пропаганде, обману и манипуляциям (ах, если бы...), дает возможность «укрепить свое понимание жизни» (с. 404) и вообще – как правило, «вознаграждается» (с. 246). Действительно, оригинальными идеями этот компендиум не изобилует, не говоря о том, что представленный здесь подход к чтению видится, в конечном счете, чрезесчур утилитарным, вплоть до некоторой упрощенности.

Но не будем торопиться осуждать авторов – тем более, что и общеизвестное нуждается в систематизации, не говоря уже о том, что для кого-то сказанное окажется новым. А самое интересное и неожиданное, как это часто случается, кроется в непредвиденных складках и трещинках между банальностями. В едва заметных глазу межкопытцевых щелях.

Ольга Балла